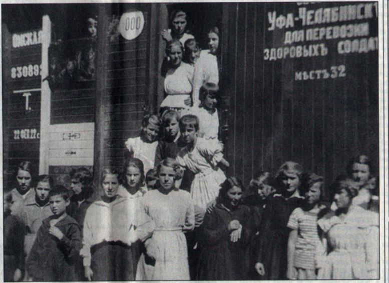
ОТКРЫВАЕМ АМЕРИКУ

Из Петрограда в Петроград, вокруг света

Анастасия ДОЛГОШЕВА

Эта история настолько потрясающа, что удивительно, отчего по ней до сих пор не сняли блокбастер. Не сняли — пока: говорят, Спилберг интересовался. А документальные фильмы российские есть. И не так давно, почти одновременно и не сговариваясь, два человека описали в своих книгах эту историю — эпопею спасения почти тысячи петроградских детей Американским Красным Крестом.



На грани разрыва

Наша газета писала в прошлом году о выставке «Над нами Красный Крест», посвященной 85-летию окончания невероятной одиссеи ребят, которые уехали из голодного Петрограда на восток на три месяца, а вернулись через два с половиной года с запада, обогнув земной шар.

Что любопытно: выставка открывала череду мероприятий, посвященных 200-летию установления дипломатических отношений между Россией и США (этому посвящена и наша рубрика), но сами события происходили, когда дипотношения были на грани разрыва. И если в начале XIX века старая Российская империя обдумывала, стоит ли признавать молодые Штаты, то во второй декаде XX века уже мощное государство США с недоверием смотрело на юную Советскую Россию.

И — наверное, как всегда, когда речь идет о спасении, — многое совершалось в этой истории не благодаря, а вопреки. И от событий дух захватывало, будто ты на американских горках, как говорят русские. Или на русских горках, как говорят американцы.

AMERICAN RED CROSS

Две книги

Года три назад из Израиля в Петербург ненадолго приехал Владимир Липовецкий — журналист и моряк. Собрал прессу и сказал примерно так: ребята, я ношу эту историю в себе уже четверть века, сам в Израиле выпустил книгу, но очень небольшим тиражом; возможно, Петербург тоже заинтересуется этой историей, тем более что она имеет отношение к вашему городу. (Город действительно заинтересовался — книга вышла в издательстве «Азбука».)

У Липовецкого — две кругосветки на счету, десятки раз был в Японии, США, Австралии, Новой Зеландии. Ходил на китобое, а это каторжная работа: судно — «ванька-встанька», два человека из команды просто с ума сошли буквально...

«Это я к тому рассказываю, чтобы вы поняли: я повидал достаточно, чтобы даже к чудесным вещам относиться взвешенно и спокойно, — утверждал тогда Владимир Абрамович. — Профессия моряка вообще учит все взвешивать — держать фарватер».

Однако история спасения петроградских детей потрясла морского волка настолько, что заставила работать в архивах разных стран, искать участников событий, хотя к самому Липовецкому прямого отношения не имела.

Зато имела прямое отношение, например, к петербургскому преподавателю Ольге Молкиной. Это ее семейное дело. Ольга Ивановна без всякого пафоса так и заявляет: «Если бы не Американский Красный Крест, не было бы моей семьи, не было бы и меня». Ее будущие дедушка и бабушка, тогда еще подростки, познакомились именно в том путешествии из Петрограда в Петроград через весь земной шар.

Так родились две книги: Липовецкого «Ковчег детей, или Невероятная одиссея» и «Над нами Красный Крест» Молкиной (только что вышло второе издание).

«Вопреки»

1918-й год, послереволюционный Петроград. Эпидемии и страшный голод.

Первое «вопреки»: кадетская либерально-буржуазная благотворительная организация Всероссийский союз городов, уже объявленная большевиками распущенной, умудряется устроить выезд почти тысячи детей из Петрограда на Урал и в Сибирь — там сытнее. На каникулы. Сейчас бы сказали, в летние оздоровительные лагеря; тогда говорили — в колонии, которые называли даже не оздоровительные, а питательные.

18 и 25 мая с Финляндского вокзала на восток отправились два поезда; в одном — 450, во втором — 420 детей от трех до шестнадцати лет; с воспитателями, учителями и медицинским персоналом.

Поезда санитарные, теплушки; из особых удобств разве что койки: они на пружинах, приспособлены для раненых — чтобы тряска не очень тревожила.

Второе «вопреки»: именно в конце мая 1918-го, когда один из поездов приближался к Челябинску, город захватил мятежный Отдельный чехословацкий корпус. Но после сложных переговоров белочехи все же пропускают поезд из красного Петрограда в Миасс, где и надлежало расположиться колонистам. Вторая группа обосновалась в небольшом санаторном месте Курьи под Екатеринбургом.

И было счастье — потому что было лето. Воспитатели, пока могли, скрывали от детей, что их все безнадежнее отрезают от дома фронты начавшейся гражданской войны. В августе скрывать перестали. Педагоги собрали детей и сообщили: к родителям вы сейчас вернуться не сможете. Одни ревмя ревели от такой вести, другие радовались тому, что учебный год откладывается. Но и последние скоро перестали ликовать, потому что обеды становились все скуднее, дни все холоднее (а с собой были только летние вещи), здание колонии забрали под госпиталь для раненых.

Осенью 1918 года две многочисленные колонии превратились в рассеянные по разным местам мелкие группы детей и воспитателей — так легче было прокормиться и найти приют.

— Как только начались трудности, некоторые воспитатели покинули колонию, — рассказывает Ольга Молкина. — Правда, таких было меньшинство. К счастью, местные благотворители помогли с теплой одеждой.

АКК

Почти тысяча детей осталась на неизвестное время без родителей; и почти две тысячи родителей (не считая прочих родственников) на неизвестный срок лишились детей. Переписка стала практически невозможной.

Только зимой 1919 года родительскому комитету удалось наладить связь со штабом Американского Красного Креста во Владивостоке, его сотрудники работали в составе Американской сибирской миссии и занимались тем, ради чего эта международная организация и была основана в 1863 году швейцарцем Анри Дюнаном: помогали раненым и гражданскому населению вне зависимости от их принадлежности к той или иной воюющей стороне. Что, правда, не мешало и не мешает постоянно подозревать Красный Крест в политических играх.

В начале 1919 года руководителем АКК в Сибири был журналист Райли Аллен, а его ближайшими помощниками — Берл Брэмхолл и Ханна Брайан Кэмпбелл, которую впоследствии колонисты будут называть «мамаша Кэмпбелл» — за ответственность и бдительность.

— Райли Аллен, узнав, что в Сибири и на Урале сотрудники Красного Креста встречали разрозненные группы голодных, плохо одетых и испуганных детей, явно не местных, решил: миссия Красного Креста не только в том, чтобы содержать госпитали, но и в том, чтобы спасти попавших в беду детей, — рассказывает Ольга Ивановна.

Очередное «вопреки»: в военное время Аллену удается отправить из Владивостока в места расположения колонистов несколько железнодорожных составов, груженных самым необходимым (едой, одеждой, медикаментами) и не самым насущным (игрушками).

«Американские горки»: отъевшись на летнем отдыхе после голодного Петрограда, а затем опять голодая так, что некоторые уже подворовывали где придется — колонисты вдруг получают и еду и нормальную одежду. От людей в странных широкополых шляпах и с ужасным произношением.

Постоянно отправлять составы из Владивостока в глубь страны было, как сейчас бы оценили, «нерентабельно», а поскольку в Петроград пути не было, решили доставить самих колонистов по железной дороге во Владивосток. Куда они и прибыли летом 1919 года. И еще почти год жили на полном обеспечении Красного Креста. Это не были каникулы: американцы устраивали детей в местные школы и училища.

— Жили припеваючи, — передает воспоминания колонистов Ольга Молкина. — Развлекались, танцевали, пели, читали. Возникали романы. Возможно, именно тогда мой дедушка Юрий Заводчиков обратил внимание на мою бабушку Олю Копосову... Как видно на фотографиях, дети вполне упитанные. Но, например, моя бабушка, которая явно не выглядит недокормленной, все же была внесена в длинный список нуждавшихся в дополнительном питании: американцы сочли, что ей каких-то витаминов не хватает.

Пионерии тогда не было, зато колония погрузилась в скаутское движение. Одним из самых активных бойскаутов был Леня Якобсон, будущий выдающийся балетмейстер. Который позже, как и другие колонисты, скрывал, что участвовал в той одиссее. И в анкетах аккуратно писал, мол, в Америке никогда не был. Хотя был, был.

Через два океана

...Апрель 1920 года. Японцы захватили Тихоокеанское побережье и высадились во Владивостоке. Американский Красный крест получает приказ от своего начальства покинуть город.

И что делать с детьми — к слову, гражданами той страны, с которой у Соединенных Штатов дружбы отнюдь не намечалось? У детей нет денег. Нет документов. Да ничего нет.

И Аллен принимает решение: детей не бросать. Отправить их в Петроград по Транссибирской магистрали невозможно, ну да ничего, земля круглая, в Петроград можно прибыть и с другой стороны. Правда, уже не по железной дороге, а морем. Точнее, океаном. Точнее, двумя океанами.

— Ни Россия, ни Америка, ни одна другая страна не захотели предоставить пассажирское судно для перевозки детей, — говорит Молкина.

И опять «вопреки»: Аллен фрахтует сухогруз — и где! В Японии, с которой у США отношения были натянутые, а у Советской России — и вовсе никаких.

Сухогруз «Йомей-Мару», в темпе переоборудованный под плавучее жилище, с японской командой отправляется из Владивостока. 13 июля 1920 года началась вторая часть одиссеи. Самая яркая и странная часть, и опять же с множеством «вопреки»: восторженные встречи русских детей на всем пути следования — в Японии (всего-то 15 лет прошло с русско-японской войны); в США, где колонистов письмом приветствовал президент Вудро Вильсон, уже тяжело больной; в Бальбоа, где колонистов закормили экзотическими фруктами. Везде экскурсии, концерты, подарки.

Особо ценный груз

Груз «Йомей-Мару» — дети — был и особо ценным, и «особо опасным». Представьте себе: сотни подростков на корабле! Бомба! За всеми не уследишь, и какой-нибудь отпрыск возьмет да и свесится на канате на страшной высоте; или пристроит стул на борту так, чтобы покачиваться над океаном. Говорят, молодому Райли Аллену петроградские дети седых волос-то прибавили.

Никто за борт не упал. Но несчастий все же не миновали: еще в Сибири брат и сестра отравились ядовитыми ягодами; один мальчик умер от болезни сердца; один — от плеврита. Однако самая нелепая гибель произошла уже в гостях, в Америке.

Павлуша Николаев в день своего 15-летия отправился навестить нового приятеля — одного из американских солдат, охранявших колонистов. Солдату самому-то было лет 18 — 19; русского происхождения, с ним можно было болтать по-нашему. Именинник Павлуша, вооружившись шваброй, в шутку изобразил стрелка; солдат в шутку тоже прицелился. Из своего ружья, настоящего. Случайно нажал на курок... Потом парня самого едва уберегли от самоубийства.

Домой

Судно двигалось к Петрограду. А не задержаться ли, например, во Франции? — подумывали сотрудники Красного Креста. Вдруг большевистская власть падет, отношения с Россией наладятся — и все пойдет своим чередом. Какое там! Дети буквально заставили Аллена и его помощников продолжать путь домой.

Последним «предроссийским» пунктом была Финляндия, которая приняла детей с прохладцей, но все же выделила бывший императорский санаторий в Халиле.

Там дети жили несколько месяцев, пока на каждого из Петрограда не пришло письмо, сообщающее, что родители живы; а если погибли — то все равно будет кому встретить. Лишь после этого колонистов начали переправлять в Россию.

Зимой 1921 года в районе нынешнего Белоострова по перекошенному мосту через реку Сестру (она же — русско-финская граница) перешла последняя группа петроградских детей. С одной стороны моста их «передавали» плотные финские пограничники; по другую сторону встречали худые оголодавшие красноармейцы. Каждый ребенок, нагруженный подарками от Красного Креста, передавался по привычной системе, отработанной еще во время заграпутешествия. Тогда, чтобы дети не потерялись во время прогулок, каждому дали жетончик с порядковым номером; и сходили с судна и входили на него строго по порядку... Тринадцатый, четырнадцатый, шестнадцатый... А где пятнадцатый? Стоп! Ищем пятнадцатого.

Так было и здесь, на реке Сестре. После слезного прощания с сотрудниками Красного Креста. Тут бы написать — «больше спасатели и спасенные никогда не виделись», но это не так. Аллену не довелось, он умер в 1966 году, но спустя полвека после того путешествия Берл Брэмхолл, успешный бизнесмен, приехал туристом в Россию в надежде найти тех детей. Он ходил по главной улице Ленинграда Невскому проспекту — и вглядывался в лица пожилых: может, кого узнает? Или кто-нибудь его узнает? Безрезультатно. Он отправился в главный театр — Ленинградский театр оперы и балета — может, там? Потрясающе, но в тот вечер в театре шел «Спартак». Поставленный бывшим колонистом Якобсоном. Но и тогда они не встретились.

Встреча колонистов, к тому времени уже бабушек и дедушек, с Брэмхоллом, который был старше своих воспитанников лет на десять—пятнадцать, но дедушкой не стал, потому что детей у него, кроме тех, петроградских, не было, — состоялась во второй его приезд в Россию. Газеты об этом писали — от «Ленинских искр» до «Правды».

Это был 1972 год. Брэмхолл успел повидать бывших колонистов за шесть лет до своей трагической смерти. Именно она дала новый виток всей этой истории.

В 1978 году моряк Владимир Липовецкий зашел на судне в Сиэтл. И — случайность: капитан был занят, и потому американский лоцман, который, по традиции, приносит на прибывшее судно свежую прессу, отдал газету Липовецкому. «Зверски убит 80-летний Брэмхолл и его жена!» — кричал заголовок. Убийца — сосед, молодой сумасшедший. Когда Липовецкий узнал, кем был Брэмхолл для тысячи российских детей, — он стал, по собственному определению, «рыцарем этой истории».

— Мы с Липовецким работали над книгами параллельно, — вспоминает Ольга Молкина. — Он как журналист, а я как «человек изнутри». Наши книги совершенно разные, и в этом нас не назовешь конкурентами. Тем более что мы — друзья, знакомы с 1980 года. У Липовецкого первая часть книги основана на беседах с колонистами, а вторая — фикшн, фантазия на тему. У меня — только документалистика.

Ольга Молкина решила написать книгу, когда поняла: больше спросить не у кого, остались лишь воспоминания о личных беседах с колонистами и их записки; остались архивы. И она решила восстановить эпопею. Повторим — из чувства, что не было бы той истории, не было бы и ее семьи и ее самой.

— Эта история показывает, как связаны человеческие судьбы с судьбами отечества, мира, — говорила Ольга Ивановна на недавней встрече нескольких потомков колонистов в Музее истории города, Петропавловской крепости. — В каждой семье есть своя история, может, не такая глобальная и уникальная, но ее можно и нужно оставить в семье, хотя бы в виде приведенного в порядок фотоархива. Тогда связь времен не прервется...

В этом «сугубо семейном проекте» Молкиной и другим потомкам колонистов помогали очень многие — начиная от работников музеев и библиотек до сотрудников генеральных консульств. Создан (кстати, одним из потомков — Глебом Викторовичем Драпкиным) великолепный сайт www.colonia.spb.ru. Есть намерение провезти выставку «Над нами Красный Крест» по всему маршруту петроградских детей.

Но главное — одни потомки колонистов неустанно ищут «своих», потомков, как и они. Но делают это не только ради себя: мир маленький, люди из одной части земного шара помогают людям из другой его части; их внуки пишут об этом книги; их правнуки и правнуки тех, к кому эта история не имеет никакого отношения, читают о ней на сайте и делают главный вывод: нет границ между государствами, а есть граница между добром и злом.

ФОТО из архива семьи Булдыревых и из книги В. Липовецкого «Ковчег детей...»